

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Ив Синтомер

Жребий в политике: Один и Многие

Конспектированная версия

Summary: Франческо Гвиччардини, один из главных флорентийских интеллектуалов наравне с Маккиавелли, проанализировал политические дебаты, касавшиеся противопоставления выбора электорального типа выбору по жребию, которые происходили в столице Тосканы в начале XVI века. Эгалитаристы, защищавшие случайный выбор по жребию, утверждали, что он является рациональным средством, способным возмещать несправедливость и несоразмерность, которые происходят от разницы в благосостоянии и общественном положении; также случайный выбор, по мнению его сторонников, может быть средством объединения Города, так как жребий вносит измерение справедливости в участь каждого (каждый может править и быть управляемым). Олигархия же, поддерживавшая институт голосования, возражала, что именно люди, а не жребий, должны решать, кто будет их представителем; жребий рассматривался как вторжение случайности и иррациональности, не способный быть легитимным посредником между одним и многими. В конце XX века выбор по жребию, однако, возвращается в политику, но теперь он задействует новое средство – репрезентативную выборку (representative sample), которая позволяет создать «мини-общество», являющееся срезом общества в целом. Данная работа рассматривает три различных способа артикуляции одного, некоторых и многих через работу жребия в политике. Это позволит прояснить некоторые современные вызовы, с которыми сталкивается демократия.

* * *

В эпоху, непосредственно следующую за падением режима Медичи (случившегося в 1494 году), в Большом Совете Флоренции произошел раскол из-за спора: что же является лучшим средством для выбора людей на ответственные посты – жребий или голосование? Дискуссия была достаточно запутанной, – например, монах-доминиканец Сованарола,

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

лидер так называемой «народной фракции», присоединился к большинству своих олигархических оппонентов, отстаивавших голосование, в то время как большинство сторонников самого Сованаролы – представителей низших гильдий – поддерживали жребий. Противоборствующие стороны часто меняли свои позиции в зависимости от тактической обстановки. Тем не менее, образовалась достаточно стабильная и внятная оппозиция, противопоставившая низшие гильдии, защищавшие случайный выбор – и высшие, ратовавшие за голосование. Суть этого противостояния и была суммирована Франческо Гвиччардини, наравне с Маккиавелли – главным флорентийским интеллектуалом начала XVI века.

Защитники позиции низших гильдии выдвигали следующие аргументы: голосование выделяет особую группу людей, в основном из обеспеченных классов, «к кому судьба была благосклонна». Так сказать, в игре в кости этим людям всегда выпадает 4-5-6, в то время как остальным – 1-2-3. Они полагают, что могут взять свое везде, как в популярном средневековом варианте игры в кости (по-английски – See-Low, Cee-lo или Five-four-six¹). Фортуна благосклонна к ним: у них есть благородные отцы и деды (пускай и проделавшие всякие нелицеприятные дела во времена Медичи), или же им просто повезло в приобретении богатств. Они являются теми немногими, кто правит обществом. Они хотят занять *все* политические посты, так как полагают, что государство – это их собственность. Многие же – то большинство, к которому фортуна повернулась затылком – будут тем самым исключены (и даже изгнаны) из государства. Следовательно, необходимо задействовать жребий для выбора на ответственные посты: только так, каждый, а не только некоторые, сможет принять участие в государстве.

Олигархи отвечали на это, что голосование является единственным средством для избрания *лучших* на общественные должности – тех, кого народ захочет выбрать за их добродетели и таланты. При таком – народном – режиме, «именно народ, а не случай

¹ Разновидность игры в кости с тремя кубиками, где присутствуют особые (аналогично покеру) выигрышные комбинации. 4-5-6 на трех кубиках – автоматический выигрыш, 1-2-3 – проигрыш.

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

будет действительным правителем, и именно народ, а не Фортуна, будет жаловать почести и отличия».

Низшие гильдии тогда все-таки выиграли этот спор, и жребий был принят в качестве средства для избрания на большинство общественных должностей, за исключением самой главной – Гонфалоньера². Но, как известно, в последствии в Европе голосование возобладало, а жребий практически исчез из политического поля и инструментария современной демократии.

Тем не менее, в последние десятилетия, случайный выбор возвращается в политику, по крайней мере, на границы ее поля, и в основном в качестве экспериментов, которые, правда, исчисляются сотнями. Самым известным примером является Гражданская ассамблея в канадской провинции Британская Колумбия. В декабре 2004 года, после почти годичного обсуждения, Ассамблея – сама выбранная по жребию – представила «Итоговый отчет о внесении изменений в Избирательную систему». В нем предлагалось внести в избирательный процесс большую пропорциональность (тем самым, заменяя существующую мажоритарную систему («First-Past-the-Post») новой системой передачи единственного голоса (Single-Transferable Vote system)). Данное предложение затем было вынесено на общий референдум провинции, проведенный одновременно с местными выборами в 2005 году. Основатель Гражданской ассамблеи Гордон Гибсон, по совместительству – советник премьер-министра провинции – дал следующее обоснование этой инициативе:

«Мы вносим некоторые новые элементы как в репрезентативную, так и в прямую демократии. Эти нововведения весьма различны, но имеют одну общую черту. Благодаря им мы можем ввести во властные структуры новых представителей, причем отличающихся от тех, кого мы обычно выбираем. На данный момент силовые линии, по которым проходит процесс принятия каких-либо решений, подвержены влиянию

² Глава синьории, обладавший некоторыми диктаторскими полномочиями, как в мирное, так и в военное время.

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

экспертов и связанных с ними частных интересов – если не сказать захваченны ими. Идея делиберативной демократии, которую мы продвигаем, по сути состоит в том, что в этот процесс необходимо импортировать общественный интерес, представленный случайными секторами общества, и этот интерес должен стать серьезной «третьей силой». Традиционный, известный нам тип представительства: избрание через консенсус большинства, избранники являются (или должны являться) профессионалами, избираемыми на длительные сроки, с неограниченной юрисдикцией действовать от нашего имени. Новый тип представителей, предлагаемый нами – обычные граждане, выбираемые случайным образом, на короткие сроки и для решения конкретных и ограниченных задач.» (Gibson, 2007)

Конечно, может показаться достаточно наивным напрямую сравнивать Флоренцию Кватроченто и Британскую Колумбию начала XXI века. Их институции, политическая культура и контекст совершенно различны. Однако, такое сравнение вызывает целый ряд важнейших вопросов. Во-первых, какие концепции «случая», «судьбы», «шанса» лежат в основании дискурса о жребии, который ведут представитель низших флорентийских гильдий, его элитистский оппонент и Председатель Гражданской ассамблеи? Во-вторых, какими именно способами можно политически артикулировать одного, некоторых (немногих) и многих? В-третьих, что может дать нам эта дискуссия о жребии, когда мы пытаемся понять вызовы, стоящие перед современной демократией?

ЖРЕБИЙ В ПОЛИТИКЕ: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ СЛУЧАЯ В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА.

Эгалитарный этос: хорошо упорядоченный случайный выбор vs случайности фортуны

С точки зрения этимологии, термины, в которых описывается игра в кости и термины, в которых описывается действие случая, – родственны. *Gettar le sorti* – бросать кости – также означало «позволить случаю (*la sorte*) решать». Знаменитая фраза Цезаря, переходящего Рубикон, «*alea iacta est*» переводится на итальянский как «*il dado è tratto*», на английский «*the dice has been cast*». Случай – английское *hazard* и французское *hasard* – происходит от арабского *az-zahr*, означающего игру в кости, а *chance* – это сам способ «появления» брошенной кости (от латинского *cadentia* – то, что выпадает, выпавшее).

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Название флорентийского приспособления, используемого при жребийном выборе на политические должности – *tratta*³ – также имеет «игровое» происхождение.

Интересно, что до Маккиавелли и Гвиччардини, никто не использовал эту игровую этимологию в политическом смысле – как пейоративный аргумент против жребия; концепция случая, задействованная в *tratta* никогда не сравнивалась со случаем в игре в кости. Семантика случая (*chance*) (итальянское *sorte*, произошедшее от латинского *sortem*, кстати, лежащее в основании и английского *sortition*⁴) не представляла собой единое поле, покрывающее и политику, и игру. Весьма значимым представляется факт, что когда понятие Фортуны стало ключевым в политической мысли Ренессанса, и его стали применять, чтобы описать хаотичную и непредсказуемую судьбу индивидуальных жизней и коллективных тел (Республик или Монархий), Фортуна никоим образом не отождествлялась со жребием в политике. Это происходило потому, что жребий в основном рассматривался как весьма рациональное средство, как способ, которым божество может предотвращать эксцессы борьбы за власть и позволять всем «квалифицированным» (т.е. предварительно, до жребия, меритологически отобранным, см. ниже – прим. пер.) гражданам поочередно управлять и быть управляемыми. В аргументах лидеров низших гильдий, которые нам предоставил Гвиччардини, выбор по жребью является хорошо упорядоченной процедурой, которая позволяет избежать как споров и распрей, так и концентрацию власти в руках немногих.

Случайный выбор и Флорентийская республика

Как мы знаем из весьма серьезных работ Ханса Барона (1966, 1988) и Дж.Г.А.Покока (2003), а также М.Скиннера (1978), флорентийское понятие *libertas* сыграло решающую роль в формировании современной политической мысли. Идеал *vivere libero* включал не только независимость от других государств, правление закона, политическое равенство

³ В современном итальянском *far tratta* означает «бросать жребий», *per tratta* – «по жребью» (прим. пер.).

⁴ Бросание жребия, жеребьевка (англ.)

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

граждан (по крайней мере, полноправных) и право принимать активное участие в общественных делах, но также и право *напрямую* принимать участие в управлении Республикой. Большинство магистратов выбирались по жребию, а срок, на который занималась та или иная должность не превышал нескольких месяцев (Рубинштейн, 1968).

Начиная с 1282 года, флорентийская Синьория, – институт, по своему статусу схожий с тем, что мы теперь называем исполнительной властью – стал главной политической силой в городе. Ее члены были представителями различных корпораций (*arti*), выбираемыми через сложную систему квот. Синьория ведала иностранными отношениями, контролировала различные административные институты и имела право законодательной инициативы. Несмотря на постоянное развитие флорентийской политической системы, она сохранила большинство своих базовых черт до конца XV века. В течение этих двух веков шли важные споры о распределении политических и административных позиций и постов среди различных корпораций, а также о роли жребия в этом распределении. С 1328 года назначение на большинство постов происходило по жребию (*la tratta*). Имена кандидатов, записанные на кусочках пергамента, клались в мешочки (*borse*), тот, чье имя было вытянуто, получал назначение на определенный период. Члены Синьории также выбирались по жребию; эта же процедура использовалась в течение всего республиканского периода флорентийской истории, в т.ч. для избрания на законодательные посты.

Во время раннего Ренессанса процесс выборов проходил в четыре этапа (Нажеми, 1982, С.169 и далее). 1) на первом этапе избирательные комитеты в каждом «округе» выбирали тех, кто полагался способным занять предлагаемую должность по своим личным и политическим качествам. 2) список тех, кто оказался соответствующим выдвинутому критериям (этих людей называли *nominati*) проходил дополнительную проверку и одобрение (процесс именовался *squittino*) комиссией, состоящей из «достойных» граждан (*arroti*). Имена одобренных комиссией помещались в кожаные мешочки, теперь они становились *imborsati*. Для постов, выборы на которые были ограничены квотами изготавливались два разных мешочка – для высших и низших гильдий. 3) Сам выбор происходил только на третьей стадии, когда записки с именами извлекали из мешочков.

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Специально назначенные люди были ответственны за этот решающий момент. Имена тех, кто не был избран, оставались в мешочках до следующих выборов. После любых политических потрясений (революций или серьезных изменений режима) *squittino* происходило заново. 4) Последний этап заключался в стирании (*divieti*) имен тех, кто был избран, но по тем или иным причинам оказывался неподходящим занимаемой должности. Основными причинами такой дисквалификации могли быть невыплаченные налоги, то, что избранный уже занимал данный пост, был осужден или имел родителей, занимавших схожую должность.

Благодаря случайному выбору и небольшому сроку занятия должностей (обычно от двух месяцев до полугода), теоретически, почти все лица, обладавшие полными гражданскими правами, могли регулярно занимать те или иные общественные посты. Полноправными гражданами являлись только члены 21 официально признанной гильдии; таковыми в начале XIV века были примерно 7-8 тысяч человек (при населении 90 тыс.). В 1343 году три четверти полноправных граждан были «номинированы» (стали *nominati*) в листы для *squittino*, подготовительном к выборам в Сеньорию; около 800 человек прошли этот «тест» успешно и стали *imborsati*, таким образом, получили возможность быть избранными на важнейшие государственные посты. В 1411 году, в эпоху рождения гражданского гуманизма, более 5 тыс. человек стали *nominati* и более 1 тыс. – *imborsati*.

Верховный Совет, созданный в 1494 году по венецианской модели, сменил прежние законодательные советы. В него входило около 3 тыс. членов, предварительно занимавших к.-л. важные посты или имевших родителей, занимавших эти посты; выбор по жребию также использовался при работе этого Совета.

Элитистская критика: случайный выбор как воля Фортуны

В это время элитистская критика внутри Большого Совета, а также тексты Гвиччардини, придали жребию совершенное новое значение. Электоральный процесс для элитистов – одновременно и демократичен, и эффективен: именно народ принимает решение; народ понимает, что город должен быть хорошо управляем, следовательно, правители должны быть лучшими и мудрейшими; те, кто борются за общественный пост должны быть

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

добродетельными, чтобы быть выбранными. Короче говоря, должна быть создана «добродетельная» атмосфера, которая и будет способствовать избранию лучших. Напротив, *tratta*, переосмысленная в рамках игровой этимологии, теперь связывается с Фортуной, то есть, со случайностью и непредсказуемостью. Фортуна возносит на политическую вершину Республики недостойных людей.

Возможно, что это была первая теория современного типа, пропагандирующая репрезентативное правительство. Олигархия проиграла во Флоренции, но ее аргументация возобладала в течение нескольких веков. В современных демократиях, жребий, хотя и имеет определенную (даже немалую) значимость в судебной системе, в т.ч. в назначении присяжных, в более широком политическом поле он не рассматривается как серьезное и обоснованное средство для избрания на административные или политические должности.

НОВЫЙ СМЫСЛ ЖРЕБИЯ: РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ВЫБОРКА И МИНИ-ОБЩЕСТВО

Большинство современных мыслителей, продвигающих идею участия в политическом поле через жребий, утверждают, что возвращение этой техники после веков забвения возрождает некоторые идеалы древних демократий. Хорошие примеры этому можно найти в текстах Лин Карсон и Брайана Мартина, наиболее последовательных защитников случайного выбора. Они пишут:

«Допущение, лежащее в основе случайного выбора в политике, заключается в том, что каждый желающий участвовать в принятии решений – способен на такие решения, может принести пользу; а наиболее честным способом гарантировать участие каждого является предоставление совершенно равных возможностей (*chance*) быть вовлеченным. Случайный выбор по жребию эффективно работал в древних Афинах. Он работает и сегодня при выборе присяжных; также, в результате многих экспериментов, он доказал свою эффективность для собственно политических вопросов. [...] Чтобы быть сильной, демократия должна включать в себя серьезное гражданское участие, не только (само)избранных немногих, но и участие обычных людей, которые могут напрямую определять свое собственное будущее. Учитывая сложности, возникающие при попытках

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

вовлечь каждого в такой делиберативный процесс (процесс обсуждения-обдумывания), мы полагаем, что жребий является идеальным средством, который обеспечивает действительный срез вовлекаемого населения. (Carson/Martin1999, 2, 13-14)⁵.

Разумеется, социальные, политические, экономические различия между современными демократиями с одной стороны, и Афинской и Флорентийской республиками с другой, огромны и очевидны. Но, несмотря на это, нельзя ли сказать, что в современных экспериментах по созданию делиберативной демократии происходит частичное возрождение древних идеалов самоуправления?⁶ Эти эксперименты могут свидетельствовать о новой демократической тенденции, возникшей в начале XXI века. Эта тенденция может получить развитие, но может случиться и так, что случайный выбор в политике останется там же, где он сейчас, – имея небольшую нишу и затрагивая лишь второстепенные вопросы. Сами по себе, эти эксперименты являются воплощением более широкой критики различных патерналистских традиций – либеральных, республиканских или социалистических – которые сводят демократию к репрезентативному управлению. Сторонники делиберативной демократии считают, что прямое гражданское участие в политике является ключевым для здоровья западных политических систем, что необходимо политическое равенство как в общественных дискуссиях, так и – в определенных случаях – при принятии решений. Они полагают, что демократическая легитимность напрямую зависит от усиления процедур обсуждения и обдумывания (*deliberation*) – в смысле общественных дебатов: чем больше решение обосновано живыми и хорошо организованными дебатами, тем больше оно имеет легитимности – как эмпирически, так и нормативно (Manin, 1987; Habermas, 1998, 1988; Dryzek, 1990).

⁵ Понятие «прямого среза сообщества» или «профиля сообщества» (*fair cross section of the community*) использовалось Верховным судом США при реформе суда присяжных в конце 1960-х гг, когда потребовалось, чтобы присяжные выбирались из всего общества, а не только из отдельной его части. («The Jury Selection and Service Act», 28 U.S.C., secs 1861-69, процитировано в Abramson, 2003, p. 100).

⁶ Этот вопрос является ключевым в работах Röcke (2005), Sintomer (1987) и Buchstein (2009).

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Очевидно, что делиберативная мысль является ответом на растущее недоверие к политической системе со стороны гражданского общества; такое недоверие сейчас представляет собой очевидную тенденцию, по крайней мере, в Европе. В дискурсе делиберативной демократии жребию отводится видное место (Fishkin, 1996; Diemel, 1997; Ware/Pearse, 2008, и многие другие).

Однако, важно подчеркнуть очевидные различия между Флоренцией и экспериментами, подобными Генеральной ассамблее Британской Колумбии. В Канаде, как и во всех других странах Запада, практически все взрослые являются полноправными гражданами. Техника жребия вовсе не является повседневной и не является частью нормальных, допускаемых конституциями, политических средств; жребий используется только в определенных случаях, когда та или иная властная институция по собственному почину решает организовать гражданскую ассамблею (собрание), жюри присяжных, совещание для достижения консенсуса по тому или иному поводу, или какой-нибудь другой механизм для обсуждения (*deliberative device*). На 2010 год ни одно законодательство в мире не сделало жребий принудительным для любых общественных институций, за исключением юридической. Политические эксперименты со жребием проводятся на границах политического поля, Британская Колумбия является скорее исключением

Понятие репрезентативной выборки

Еще одно различие – менее очевидное, и, однако, решающее – касается значения случайного выбора. Во Флоренции, как и в Афинах, жребий и короткий срок занятия должностей позволяли гражданам управлять и быть управляемыми. Именно поэтому и возможно здесь говорить о самоуправлении, именно поэтому в классической политической мысли, идущей от Аристотеля к Гвиччардини, случайный выбор ассоциировался с демократией, а выборы – с аристократией. Современное задействование случайного выбора представляет собой нечто иное. Реальные шансы для гражданина быть избранным в Гражданскую Ассамблею Британской Колумбии или другую институцию этого типа – очень низки. Идея, в ясной форме предложенная Карсон и Мартином здесь заключается в том, чтобы использовать жребий с целью выбора некоего микрокосма из всего общества, с целью образования группы людей, обладающих теми же свойствами и,

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

одновременно, той же степенью диверсифицированности, что и общество в целом, но все это – в уменьшенном масштабе. Образуется «*minoropolus*», как впервые предложил называть эту общность Роберт А. Даль (Robert A. Dahl, 1989, p. 340), или мини-публика – наиболее употребительный сейчас термин. Прямой срез-профиль населения является отображением всего населения в уменьшенном размере. Понятие репрезентативной выборки знакомо современному читателю благодаря тому, что оно интенсивно использовалось в статистике и опросах общественного мнения в последние несколько десятилетий. Оно было неизвестно во Флоренции или в Афинах; идея, что случайный выбор может представлять собой срез общества в целом, не была научно допустимой. «Микрокосмический» подход, в соответствии с которым политические представители должны быть социальным или культурным отражением народа стал значимым только со времен Французской или Американской революций. Но по причине того, что полностью положиться на понятие репрезентативную выборку оказалось невозможным, его защитники отказались от жребия и стали продвигать другие технические решения (см. Sintomer, 2007). Репрезентативная выборка, «как мы ее знаем», является изобретением конца XIX века, а ее применение в политике – через опросы – датируется серединой XX века (см. Blondiaux, 1998), ее действенность была ограничена судом присяжных и различными жюри и комитетами в шестидесятые-семидесятые⁷.

В основании репрезентативной выборки лежит совершенно новая эпистемология случайного выбора. Жребий теперь не является простым синонимом случая (chance): на выходе мы имеем теперь серьезные отличия – выборка в определенной степени полагается эквивалентной оригиналу (обществу в целом); чем большей является выборка, тем больше она репрезентативна. Именно поэтому случайный выбор и позволяет сделать «прямой срез» народа.

⁷ «Прямой срез сообщества» является аппроксимацией репрезентативной выборки – тогда, когда выбираемая группа является слишком маленькой, чтобы быть действительно репрезентативной.

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Политическая логика случайного выбора в современных демократиях также имеет существенные отличия. У нее остается существовавшая во Флоренции функция пацификации борьбы за власть. Но она – в больших демократических общностях современного типа – больше не предоставляет возможностей для действительного самоуправления, так как вероятность (chance) занять определенный пост очень мала, хотя каждый и имеет равные шансы быть избранным. Она ведет скорее к своего рода «контрфактическому»⁸, «гипотетическому» суждению отобранной мини-публики, которое является представителем-заместителем того, чем более широкое общественное мнение могло бы быть. Это становится очевидным из работ Джеймса Фишкина, который предлагает делиберативный опрос (deliberative poll), – несколько иную технику делиберативной демократии, задействующую случайный выбор:

«Возьмем случайную выборку в национальном масштабе и перенесем всех попавших в нее людей со всей страны в какое-то одно место. Предложим им определенные темы для обсуждения, с тщательно сбалансированной постановкой задач, с углубленным обсуждением в небольших группах и возможностью задавать вопросы различным – борющимся между собой – экспертам и политикам. По истечении нескольких дней работы лицом к лицу подробно опросим участников каждого по отдельности. В результате такого опроса мы будем иметь общественную репрезентацию интересующих нас вопросов» (Fishkin, 1996, p. 162). Если традиционный опрос состоит лишь «в статистическом сборе расплывчатых впечатлений, возникающих по большей части при полном незнании конкурирующих точек зрения», делиберативный опрос позволяет узнать, «что же действительно общество могло бы думать, если бы у него были лучшие условия для рассмотрения интересующих вопросов» (Fishkin, 1996, p. 89, 162).

Вызовы обсуждения (challenges of deliberation)

⁸ В английской грамматике контрфактическим называется предложение типа 3rd conditional : if he had had... he would have been и т.п.

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Другим различием между Флорентийской республикой и современным задеиством случайного выбора является различие в подходе к разрыву обсуждением и принятием решения. Публичное обсуждение, конечно, имело место во Флоренции, и стало одной из причин, по которой в Тосканской республике политика была «переизобретена», а сама Флоренция породила таких великих мыслителей, как Бруни, Маккиавелли или Гвиччардини. Тем не менее, в законодательных органах обсуждение не имело места⁹, они лишь принимали или отвергали законы, предлагаемые исполнительной властью; сами эти органы не обладали никакой законодательной инициативой, и даже не могли подвергать предложенные законы какой-либо критике. Современные политические схемы, основанные на случайном выборе, наоборот, связаны с идеей делиберативной, обсуждающей демократии. Предполагается, что эти схемы дают некоторые гарантии уменьшения разрыва между политическим классом и обществом и обеспечивают лучшую коммуникацию между ними. В тоже время, они сталкиваются с тремя типами трудностей.

Во-первых, «контрфактическое» мнение может отличаться от реального мнения народа. Когда упомянутое выше предложение Гражданской Ассамблеи Британской Колумбии было выдвинуто на общий референдум провинции, оно провалилось: так как оно было приравнено к внесению изменений в конституционное законодательство, требовалось одобрение 60% голосовавших во всей провинции и простое большинство в 60% округов. Конечный результат дал лишь 57.7% голосов «за», хотя большинство было получено в 77 из 79 избирательных округов. Когда предложение было повторно вынесено на референдум в мае 2009, разрыв был гораздо больше: только 38.7% «за» и только 7 из 85 округов дали необходимое простое большинство. В провинции Онтарио предложение Гражданской Ассамблеи было поддержано лишь меньшинством избирателей, и, похоже, второго шанса здесь уже не будет. В Европе избранный «срезовым» образом в греческом городке Мароси кандидат от ПАСОК¹⁰ не смог выиграть «обычные» выборы несколько месяцев спустя.

⁹ Ср. с известным высказыванием нынешнего спикера Госдумы – прим. пер.

¹⁰ Всегреческое социалистическое движение.

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Второй проблемой, с которой сталкивается делиберативная демократия является то, что будучи чрезмерно сфокусированной на «обсуждательных» правилах игры, она часто не учитывает, или, как минимум, недооценивает уже существующие властные отношения, или же отношения делиберативных схем к более широким демократическим изменениям в обществе в целом. Предлагаемые ей инструменты вовлечения, выбирающие граждан по жребию, без каких-либо связей между ними – не включены в актуальные социальные отношения. Следовательно, при помощи таких инструментов трудно внести какие-либо изменения в существующие структуры власти. В общем, можно сказать, что делиберативная демократия часто оказывается лишь способом формирования более просвещенного подхода к принятию решений и более просвещенного согласия. Что, разумеется, важно, но совершенно недостаточно – если делиберативная демократия не сможет внести никакого вклада в образование контр-гегемонии, то интерес к ней рано или поздно сойдет на нет.

В-третьих, имеется определенный разрыв между тем, что именуется словом *deliberation* в английском (хорошее, серьезное обсуждение) и его аналогами, также произошедшими от латинского *deliberare*, в романских языках (решение, принимаемое коллективом). Делиберативные органы, доступные обычным гражданам обычно не уполномочены принимать решения. Среди органов, которые теоретики обычно дают в качестве хороших образцов делиберативной демократии, уполномоченных принимать решения, или же чей совет напрямую вовлечен в их принятие, – большую часть представляют экспертные комиссии, такие как верховные суды, комиссии по этике или некорпоративские образования. Не-экспертам, «обычным» гражданам доступны лишь различные консультативные советы, являющиеся «слабой публичностью» (*weak publics* по выражению Fraser, 1997). Почему ситуация складывается именно так? Случайность? Можем ли мы ожидать каких-либо изменений в будущем?

Легитимность случайного выбора в современной демократии

Классические республики Флоренции или Афин полагались на прозрачный принцип самоуправления (сочетавшийся с властью закона). Представительская демократия

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

полагается на другой, относительно прозрачный принцип – консенсус народа, выражающийся через механизм выборов (артикулируемый через понятия народного суверенитета, власти закона и прав человека). В обоих случаях, опираются на легитимность числа, особенно на принцип большинства. Однако, важной особенностью наших политических систем является увеличение количества решений, принимаемых экспертами. Очевидно, что легитимность решений такого типа не может полностью базироваться на числе, она имеет четкое эпистемическое измерение: она основывается на экспертном знании и тщательно продуманных процедурах обсуждения.

Механизмы политического участия, вовлекающие граждан, выбранных согласно случаю, не могут основывать свою легитимность ни на числе, ни на экспертном знании. Именно поэтому такие механизмы обычно и не задействуются при принятии решений. Тем не менее, у них есть свой особый тип легитимности. Во-первых, современные средства участия чаще всего используются, чтобы обеспечить более подготовленную, просвещенную дискуссию. Одно из базовых допущений состоит здесь в том, что тщательное обсуждение приведет к более обоснованным результатам. Именно поэтому *контрфактическое, гипотетическое мнение оказывается более обоснованным, чем широкие общественные дебаты*. Эпистемическое качество делиберативных инструментов оказывается весьма важным.

Во-вторых, делиберативные инструменты могут иметь такое эпистемическое преимущество и перед экспертными комитетами или правительством: полноценное обсуждение требует включения как можно большего количества различных точек зрения для того, чтобы итоговые выводы были более сбалансированы. Таким образом, обеспечивающие участие техники, основанные на случайной выборке, имеют преимущество перед техниками участия, основанными на ?намеренном вовлечении? так как они исходят из среза общества и увеличивают многообразие точек зрения, задействованных в обсуждении. Они вносят определенный вклад в современный – крайне запутанный – контекст.

Третий аргумент в пользу инструментов участия – политический. Делиберативные механизмы позволяют надеяться на некоторое противодействие растущему

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

разочарованию в репрезентативной демократии, в которой политика сведена к демагогическому шоу; также, делиберативность может ограничить автономию политического класса и сделать его более подотчетным обществу. *Механизмы вовлечения являются средствами лучшей коммуникации между обществом и политическим классом, так как они обеспечивают политическую коммуникацию между обычными гражданами, а не только «профессионалами».*

Четвертый аргумент также относится к политике, но является гораздо более радикальным. Демократические теоретики репрезентативного управления (противостоящие элитистам) часто готовы согласиться, что лучшая демократия – это действительное самоуправление, но они всегда при этом добавляют, что оно невозможно в современных крупных обществах, следовательно, остающийся «второй лучший» путь – это репрезентативное управление. Но таким же образом можно сказать, что *раз наилучшей демократической системой является (невозможное в больших сообществах) самоуправление, «вторым» путем должно быть принятие решений «контрфактическим» сообществом, избранным по жребию.* По крайней мере, такое сообщество дает всем равные шансы на участие в процессе принятия решений.

Наконец, пятый аргумент основан на том, что репрезентативная выборка *беспристрастна.* Выбранные обычными электоральными способами представители, или эксперты чаще всего движимы частными интересами, нежели понятиями общего блага. Напротив, случайная выборка действительно обеспечивает суждение большинства (фактически каждого, благодаря праву вето или отзыва, как в суде присяжных), в соответствии с тем, что оно посчитает лучшим для всех; при этом вовлеченные участники не оказываются в роли частного лобби. Эффект такой беспристрастности может быть усилен в случае, если решение должно быть принято квалифицированным большинством или достигнуто путем консенсуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Идея делиберативной демократии представляет собой важный вклад в обновление политики, она может повысить эффективность и легитимность различных политических практик. Именно потому, что мы живем в сложном мире, растет необходимость в публичном обсуждении. Делиберативная демократия может составить сильную оппозицию растущим популистским тенденциям и доминированию харизматических лидеров на политическом поле. Тем не менее, из-за присущих ей противоречий, делиберативная демократия должна быть дополнена отличной от нее демократией участия, вовлечения, которая, в свою очередь, связана с идеей самоуправления, важной для раннеренессансной Флоренции. Демократия участия предполагает активное вовлечение большей части общества в политику, в частности – вовлечение угнетенных групп. Качественное обсуждение, проводимое «мини-публикой», должно быть соединено с процессами в более широком общественном поле. Вариант Британской Колумбии, где действия Гражданской Ассамблеи были объединены с референдумом, намечает путь, которым можно идти.

Делиберативная демократия и демократия участия, даже в случае их совмещения, тем не менее, недостаточны сами по себе. Они являются частью более широкой эволюции, которая происходит с самим институтом (и значением) политического представительства, и даже сейчас они – лишь второстепенные измерения в развитии многоуровневого управления. Классическое разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную всегда представляло собой открытый процесс, нежели стабильное равновесие. Ограничивая репрезентативное управление, некоторые механизмы делиберативной демократии и демократии участия позволяют изменить это мнимое равновесие, путем внедрения четвертой власти. Хотя это и усложняет ситуацию, а надежное, действительное равновесие труднонаходимо, мы полагаем, что перед нами многообещающий путь.

Случайный выбор на общественные должности должен сыграть важную роль в политических процессах. Вместе с быстрым оборотом занимающих должности, случайный выбор был важнейшей составляющей флорентийской политической системы, где он обеспечивал возникновение, хотя и ограниченного, но действительного самоуправления. Современные механизмы, основанные на случайном выборе

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

основываются на понятии репрезентативной выборки, изобретенном лишь в конце XIX века. Эти механизмы выработали понятие контрфактического мнения – гипотезы, чем было бы общественное мнение в целом, если бы все могли принимать участие в обсуждении. Таким образом, эти механизмы соответствуют идеалам делиберативной демократии.

В Тосканской республике, как и в Афинах, политический строй не мыслился через призму суверенитета, с присущим ему напряжением между одним и многими. Наоборот, он понимался как род смешанного управления, где один, некоторые и многие имели *?different powers vices and virtues?*. Для республиканцев-эгалитаристов, *многие* должны были иметь доступ к власти через выбор на общественные должности по жребию. Власть *некоторых* (олигархов) и *одного* (Гонфалоньера, флорентийский аналог венецианского дожа) должна была быть ограниченной. Такое равенство полагалось ключевым для единства и целостности Республики, роль жребия заключалась во введении в политическое пространство беспристрастности, регулирующей борьбу за власть. Таким образом, жребий имел серьезное обоснование. Для республиканцев-элитистов, напротив, *некоторые* должны были быть правителями города, но избираемыми большинством, роль *одного* здесь также ограничивалась. Жребий понимался ими как средство, которое безразлично выбирает и лучших, и худших жителей, тем самым ,препятствуя добродетельному поведению, так как при жребийной системе никто будет состязаться в таком поведении, обеспечивающем благосклонность сограждан-избирателей. Жребий отбрасывался на сторону иррационального, в область действия Фортуны. Спор между элитистами и эгалитаристами прервался, когда Медичи снова пришли к власти (1534 год) и вернули правление одного. Тоскана присоединилась к общеевропейской абсолютистской тенденции, что означало триумф суверенитета верховной власти – то есть воображаемого единства между политическим строем и индивидом, монархом и народом.

Мы полагаем, что современным демократам полезно более плотно ознакомиться с дискуссиями вокруг смешанного типа правления, вместо того, чтобы упорствовать в своей зачарованности дихотомией одно/многое, свойственной проблемам суверенитета. Необходимо помыслить тип единства, более сложный, нежели суверенность. Именно в

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

этой перспективе жребий и представляет интерес. В рамках современной демократии и вместе с репрезентативной выборкой жребий может иметь функцию обеспечения беспристрастности – как во Флоренции. Он не может более обеспечить власть многих, когда каждый поочередно то правитель, то подданный, но он позволяет сделать прямой срез народа, тех некоторых, которые будут не сильно отличаться от многих.

Литература:

- ABRAMSON J. (2003), *We The Jury. The Jury System and the Ideal of Democracy*, Harvard University Press, Cambridge (Mass.)/London (third edition).
- ARISTOTLE (1946), *Politics*, Clarendon Press, Oxford.
- BARON H (1966), *The Crisis of the Early Italian Renaissance*, Princeton University Press, Princeton.
- (1988), *In Search of Florentine Civic Humanism*, Princeton University Press, Princeton, BLONDIAUX L. (1998), *La fabrique de l'opinion. Une histoire sociale des sondages*, Le Seuil, Paris.
- BLONDIAUX L., SINTOMER Y. (eds.), “Démocratie et délibération”, *Politix*, 15 (57), Hermès, Paris, 2002.
- BRUCKER G.A. (1977), *The Civic World of Early Renaissance Florence*, Princeton University Press, Princeton.
- (1990), *Florence. The Golden Age, 1138-1737*, University of California Press, Berkeley/Los Angeles/London.
- BRUNI L. (1996), “Costituzione politica di Firenze”, in *Opere* (P. Viti ed.), Utet, Torino.
- BUCHSTEIN H. (2009), *Demokratie und Lotterrie. Das Los als politisches Entscheidungsinstrument von der Antike bis zur EU*, Campus, Frankfurt/New York.
- CADONI G. (1999), “Genesi e implicazioni dello scontro tra i fautori della "tratta" e i fautori delle "più fave". 1495-1499”, in *Lotte politiche e riforme istituzionali a Firenze tra il 1494 e il 1502*, Istituto storico italiano per il medio evo, Fonti per la storia dell'Italia medevale, Subsidia 7, p. 19-100.
- CARSON L., MARTIN B. (1999), *Random Selection in Politics*, Praeger Publishers, Westport.
- CASTORIADIS C. (1986), *Domaines de l'homme*, Seuil, Paris.
- DAHL R.A. (1989), *Democracy and its Critics*, New Haven.
- DEWEY J. (1954), *The Public and Its Problems*, Swallow Press/Ohio University Press Books (first edition 1927).
- DIENEL P. (1997), *Die Planungszelle*, Westdeutscher Verlag, Wiesbaden.
- DOWLEN O. (2008), *The Political Potential of Sortition. A Study of the Random Selection of Citizens for Public Office*, Imprint Academic, Exeter (UK).
- DRYZEK J.S. (1990), *Discursive Democracy. Politics, Policy and Political Science*, Cambridge University Press, Cambridge.
- ELSTER J. (1991), *Arguing and Bargaining in the Federal Convention and the Assemblée Constituante*, Working Paper, 4, The University of Chicago, Center for the Study of Constitutionalism in Eastern Europe.
- (ed.) (1998), *Deliberative Democracy*, Cambridge University Press, Cambridge.
- FINLEY M.I. (1983), *Politics in the Ancient World*. New York: Cambridge University Press.

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

- FISHKIN J. (1996), *The Voice of the People. Public Opinion and Democracy*, Yale University Press, New Haven/London.
- FRASER N. (1997), "Rethinking the Public Sphere", in *Justice Interruptus. Critical Reflexion on the "Postsocialist" Condition*, Routledge, London/New York.
- FUNG A., WRIGHT E.O. (ed.) (2001), *Deepening Democracy. Institutional Innovations in Empowered Participatory Governance*, London/New York.
- GIBSON G. (2007), "Deliberative Democracy and the B.C. Citizens' Assembly", http://www.cfd.ca/index.php?option=com_content&task=view&id=409&Itemid=284 (Citizens Centre for Freedom and Democracy), 23/02/2007.
- GUICCIARDINI F. (1932a), "Del modo di eleggere gli uffici nel consiglio grande", in *Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze*, Roberto PALMAROCCHI ed., Laterza, Bari, p. 175-195.
- (1932b) "Del modo di ordinare il governo popolare" [so-called *Discorso di Logrogno*, 1512], in *Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze*, Roberto PALMAROCCHI ed., Laterza, Bari p. 218-259.
- GUIDI G. (1981), *Il governo della città-repubblica di Firenze del primo quattrocento*, Leo S. Olschki, Firenze.
- HANKINS J. (a cura di) (2000), *Renaissance Civic Humanism*, Cambridge University Press, Cambridge/New York.
- HABERMAS J. (1991), *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, MIT Press.
- (1998), *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*, MIT Press.
- HANSEN M.H. (1997), *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology*, University of Oklahoma Press.
- HEGEL G.W.F. (1991), *Elements of the Philosophy of Right*, Cambridge University Press; (new edition).
- HERATH R.B. (2007), *Real Power to the People. A Novel Approach to Electoral Reform in British Columbia*, University Press of America, Lanham (Maryland)/Plymouth (UK).
- LANE F.C. (1978), *Storia di Venezia*, Einaudi, Torino, 1978.
- MACHIAVELLI N. (1988), *Florentine Histories*, Princeton University Press, Princeton.
- (1998) *The Discourses*, Penguin, Harmondsworth.
- MANIN B. (1987), "On Legitimacy and Political Deliberation", *Political Theory*, 15, p. 338-368.
- (1997), *The Principles of Representative Government*, Cambridge University Press.
- MEIER C. (1990), *The Greek Discovery of Politics*, Harvard University Press.
- NAJEMY J. (1982), *Corporatism and Consensus in Florentine Electoral Politics, 1280-1400*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill.
- POCOCK J.G.A. (2003), *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*, Princeton University Press, Princeton/Oxford.
- RANCIÈRE J. (2007), *Hatred of Democracy*, Verso, London/New York.
- RÖCKE A. (2005), *Losverfahren und Demokratie. Historische und demokratietheoretische Perspektiven*, LIT, Münster.

ПОЛИТИКА ЕДИНОГО. ПРЕДЕЛЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

RÖCKE A., SINTOMER Y. (2005), “Les jurys de citoyens berlinois et le tirage au sort : un nouveau modèle de démocratie participative?”, in BACQUÉ M.H., REY H., SINTOMER Y. (eds.), *Gestion de proximité et démocratie participative: les nouveaux paradigmes de l'action publique?*, La Découverte, Paris, 2005, p. 139-160.

ROSANVALLON P. (1998) *Le peuple introuvable. Histoire de la représentation démocratique en France*, Gallimard, Paris.

RUBINSTEIN N. (1968), “Florentine Constitutionalism and Medici Ascendancy in the Fifteenth Century”, in Nicolai RUBINSTEIN (ed.), *Florentines Studies. Politics and Society in Renaissance Florence*, Northwestern University Press, Evanston.

— (1997), *The Government of Florence Under the Medici (1434 to 1494)*, Clarendon Press/Oxford University Press, Oxford/New York.

SKINNER M. (1978), *The Foundations of Modern Political Thought*, 2 Vol., Cambridge University press.

SINTOMER Y. (2004), *The Porto Alegre Experiment: Learning Lessons for a Better Democracy*, Zed Books, New York.

— (2007), *Le pouvoir au peuple. Jurys citoyens, tirage au sort et démocratie participative*, La Découverte, Paris..

WARREN M.E., PEARSE H. (2008), *Designing Deliberative Democracy. The British Columbia Citizens' Assembly*, Cambridge University Press, Cambridge/New York.